

Лайма ВАЙКУЛЕ:



В ресторане лучше петь

— Утро начинается с бега с собакой, примерно в половине десятого. А с одиннадцатой репетиция. После репетиции, когда прихожу домой, у меня или художник, или — интервью, или — врач собачки, или какой-нибудь композитор... А иногда все вместе. Вечером — еще одна репетиция. Приходишь домой — и сразу спать. А утром опять то же самое.

— В последнее время вас чаще можно видеть на российских телеэкранах, нежели на латвийском ТВ. Чем это вызвано?

— Это нормально, у меня ничего не меняется. Сейчас опять будут концерты в России. В мае, может быть, в Латвии, и, я думаю, что после этого и латвийское телевидение будет меня показывать чаще. Пока, наверное, просто мне нечего предложить. Из России столько предложений, что не всегда успеваешь приехать, чтобы сняться на телевидении.

— Многие ваши песни стали хитами. Чем вы это объясняете?

— Этого никто не знает, что с песней станет. Думаю, просто у Раймонда Паулса особый талант. Хотя есть грустная закономерность: очередной хит убивает предыдущий. Вот и говорят иногда: «Ой, подумаешь, сделала Лайма несколько песен и пропала...». Но при этом забываю, что у многих певцов за всю жизнь на сцене нет столько хитов, сколько у меня за год.

— Вам, пожалуй, напрямую

подходит определение «человек, сделавший сам себя». Как вы пробивались на большую сцену?

— Я вообще не пробивалась. Я начала работать сначала на сцене, на большой сцене, как вы говорите. На радио с оркестром с 12 лет, с 16 лет — рок-ансамбль. А «ресторанный» период... Когда мне предложили работать в ночном баре в Юрмале, в «Юрас перле», я приехала посмотреть. Ни одна большая сцена не могла сравниться с этим маленьким баром на берегу моря, в котором было чисто, было замечательный свет и звук, прекрасная сцена, публика в вечерних костюмах. И вообще мне кажется, что раньше лучшие музыканты были в ресторанах...

Если я была бы зрительницей, мне больше нравилось бы видеть певца в маленьком клубе, с расстояния три метра, а не его силуэт на сцене в зале дворца спорта.

— К этому периоду и относится полученное вами звание заслуженной артистки Азербайджана? Или это слухи?

— Нет, мне только предлагали это звание. Но от того, как лихо разбрасывались подобными титулами, мне не захотелось быть в этом списке. Тогда я работала от «Азконцерта» — как любой артист, который должен был где-то числиться, где ему платили зарплату, занимались гастролями.

— А вообще какое-то звание у вас есть?

— Есть. Лайма.

— Лайма, вы обаятельны, женственны, эффектно, сексуальны. Какой из этих эпитетов вам ближе? Какой вы сами себя представляете?

— Пожалуй, деловой женщиной.

— Деловой?

— Понимаете, я думаю, философствовать. Мне интересно говорить с людьми, которые много читают.

— Вы жили по соседству с Юрием Подняком...

— Окна наших домов выходят друг на друга. Жаль, что мы не успели снять музыкальные фильмы, о которых много говорили вместе. Наши идеи и вкусы совпадали. Для меня его смерть была очень большой трагедией. Я уж не говорю о том, какая это трагедия для Латвии. Умный, честный человек, который не боялся говорить правду. Этого так нам не хватает!

— Каким, на ваш взгляд, должен быть настоящий мужчина?

— Во-первых, талантливым. Должен иметь любимое дело. Тогда он не будет пустым. Мужчина должен быть просто умным, и тогда все будет в порядке. Все остальное не важно.

— А как ваш муж относится к сонму ваших поклонников?

— Он иногда меня просто жалует.

— У вас в семье все распределяется поровну? Я имею в виду домашние заботы.

— У нас нет такой проблемы. Андрей — интеллигент-

ный человек. У нас не бывает скандалов. Мы нормальные, уважающие друг друга люди. А вообще я не домохозяйка. Но люблю, чтобы у меня было чисто, аккуратно.

— А если выдается свободная минутка?

— Мое свободное время — моя собака. Это — ротвейлер Кеди. Ротвейлер заставляет себя уважать. Несколько лет назад в Германии впервые увидела такую собаку на улице. Я не знала, что это за порода, но уже знала, что я хочу.

— У вас очаровательные костюмы. Вы сами моделируете?

— Я работаю с очень талантливой художницей Ингридой Дразнице. Много покупаю за границей, в основном в Америке.

— Вы можете назвать себя счастливым человеком?

— Про счастье так просто говорить, наверное, невозможно. Во всяком случае, я благодарна Богу за то, что имею.

— Что вы отвечаете друзьям, которые спрашивают вас о происходящем сегодня в Латвии? Гражданство, визы...

— Я не знаю всех подробностей. Но ведь общество «Память» в России тоже есть. И все эти годы было. Мне не нравится фашизм, не нравится национализм. Мне кажется, что каждый человек — кусочек космоса, и никто не имеет права делать другого несчастным.

К. МАРКАРЯН.
(Наш корр.).

Рига.